

Анатолий Шахаров

**«Лишь бы
не было
войны»**

Анатолий Николаевич Шахаров

«Лишь бы не было войны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51940202

ISBN 9785449859891

Аннотация

Серия рассказов-ситуаций о войне 1941—1945. Автор стремился передать наиболее точно мысли, чувства и действия каждого героя. Что на самом деле происходило в душах людей? Благодаря чему на самом деле была достигнута Победа? Вы сами все прочувствуете, словно побываете там...

Содержание

Пришла война	10
Конец ознакомительного фрагмента.	61

«Лишь бы не было войны»

Анатолий Николаевич Шахаров

© Анатолий Николаевич Шахаров, 2020

ISBN 978-5-4498-5989-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ!

Посвящается

Памяти моего деда-фронтовика, Шахарова Анатолия Семеновича. А так же памяти моих односельчан, чьи фамилии высечены в парке Победы в родном поселке Минское рядом с Костромой, как высечены и миллионы других фамилий по всей России и странам Советского Союза на мемориалах городов, сел, школ. Вечная память.

Предисловие

75 лет мира. К сожалению, не очень мирного, но мира.

И цена за этот мир уплачена огромная. Главный вывод, который сделало военное поколение – «лишь бы не было войны». Помнят ли это потомки?

Мы сейчас часто говорим о патриотизме и героизме. Неотвратимо, каждый россиянин готов будет встать в строй, если Родина позовет. Мы знаем как надо сплотиться. И мы готовы к этому.

Однако все мы знаем, сколько стоит война в человеческих жизнях. И никто бы не хотел, чтобы война коснулась его семьи или страны.

Я рос в советское время и помню глаза, выправку и уверенный голос ветеранов, которых тогда было еще очень много. Тогда праздновали 40 лет победы. Когда они говорили на 9 мая перед всеми, кажется, через них говорили сотни тех, кто остался на полях сражений, погибли в тылу, в плену. В их словах была огромная сила! Но главные слова всегда стояли в конце их речей: «Мирного неба над головой!» И на любых праздниках это был самый главный тост или пожелание от людей, прошедших и вынесших войну. В этой фразе было заложено все, что нужно людям в жизни! Как часто эта фраза звучит сейчас?

Сейчас ветеранов единицы! И у них нет силы так зычно говорить. Но они до сих пор стойко идут в обвисших кителях с нестареющими медалями и орденами. Они до сих пор несут военную вахту для потомков, для нас! И в их очень пожилом теле остается все тот же непобедимый дух! Смотрим на них!

Восторгаемся! Верим, что и в нас есть этот же дух!

Конечно, мой главный герой войны, это мой дед-фронтовик, как и у каждого, у кого есть или был такой дед, прадед, отец. Звали его Шахаров Анатолий Семенович. Как и многие фронтовики, рассказывать о войне не любил. Отец рассказывал, когда начинался фильм о войне, дед вставал и уходил. Как сейчас помню его выправку и молчание. Очень громкое молчание и очень о многом. Как ни спрашивал его в детстве о войне, он все отшучивался и сказал совсем немного. Показал руками какой длины был автомат ППШ и назвал цифру убитых фашистов – больше сотни. Медалей мы его не видели. Отец говорил, что как только после войны у деда родились сыновья, все медали он отдал им, так они все и растерялись. Где служил и закончи войну, никто не знает. Знаем, что два месяца управлял Катюшей на ЗИЗе. И все. Знаем, что ранение было точно сбоку в плечо, и из-за этого несколько месяцев его таскали по следствиям спец-органы. Мол, не убежал ли при атаке? Хотя в послевоенных документах написано – ранений не было. И еще одну историю, которую он рассказал.

Пошел он на фронт раньше положенного, но документы сгорели при пожаре, поэтому солгал, что ему 18 лет. Всех призывников выстроили и командир сказал:

– Кто готов добровольцем сразу без учебки на фронт, два шага вперед!

Дед сказал, что из нескольких сотен вышло 15 человек

вместе с ним. Этих 15 человек вместе с дедом отправили в какую-то специальную учебку. А всех остальных отправили сразу на фронт. Такое время было.

Вот и все знания о дед. Ну и помню, когда выпьет, очень много песен пел хороших, но совершенно не известных мне ранее. Трезвый никогда не пел.

Конечно, читал о войне, смотрел фильмы. Особенно любил читать книги фронтовиков, где описаны конкретные ситуации. И, конечно, жизнь сформировала внутреннее отношение к подвигу Советского Союза и всех народов, кто встал препятствием на пути фашизму. И скажу прямо. Я не люблю, когда сейчас кричат, что мы такие крутые, всех победим. Уверен, победим. Вот только кричать об этом не надо. Я думаю, мой бы дед плюнул и отвернулся бы от таких выкриков. Ведь главное, чтобы не было войны, а не кто-кого.

Эта книга несет в себе идею настоящей победы. Победы, о которой мало говорят. Победы не над кем-то или чем-то. А о победе над войной! Рассказ за рассказом книга показывает, как внутри сердец людей зажигалось пламя победы, пламя мира, а не войны. Пламя сострадания, а не насилия. Однажды я услышал фразу: Мы победили потому, что на войне могли оставаться людьми. И я в этом убежден, что ненавистью можно убивать, но нельзя побеждать войну. Я слышал от отца супруги, когда он был мальчишкой, фронтовик ему говорил, что под конец войны он и его товарищи старались не убивать, по возможности, солдат противника

даже в бою. Выводили из строя, но не убивали. А почему? А потому, говорил, что как убьешь, так сразу товарища убивает рядом. Эту закономерность уже изучили, поэтому если нет надобности убивать, старались оставлять врага в живых. Часто ли мы слышим сейчас об этом?

Эта книга состоит из серии маленьких рассказов. Я словно попадал в конкретную ситуацию и становился одним из персонажей. Описание его чувств, мыслей и действий формирует ощущение ситуации. Есть даже несколько рассказов, где персонаж – немецкий солдат или офицер. Победа над фашизмом и над войной росла в их сердцах тоже. Они приходили к осознанию, переворачивающему их концепции, идеи, из-за которых они считали, что имеют право кого-то унижать и убивать. И они получили результат, соответствующий своим заблуждениям.

Победа это достижение в сознании человека, в сознании народов. Отказ от войны и от насилия, отказ считать одну нацию выше другой, отказ считать одну политическую идеологию выше другой. Вот это главная Победа! Если эта Победа поселится в сердцах людей на всей планете, только тогда войны прекратятся!

Зададим себе вопрос. Как мы думаем о войне? Думаем, что готовы воевать, или как сделать, чтобы войны не было? Люди, прошедшие войну, я уверен в этом, предпочли бы второе. Хотя если понадобится, ни за кем «не заржавеет». А что сейчас выбирают современные люди? Помнят ли они

ту ценность, которую вкладывали наши деды в свои слова: «Лишь бы не было войны»?

Я написал эту книгу в честь своего деда Толи. Но я обязан так же посвятить ее и всем тем, кто вынес на себе ту войну своими мышцами и душой, отдавшими себя в доказательство бессмысленности войн на Земле.

Спасибо, Вам, Победители! Невозможно восполнить то, что Вы отдали за Победу. Мы можем лишь жить и благодарить Вас за мирное небо для всех нас!

Пришла война

Отдаленный гул винтов самолётов для русских людей был необычным. Смирение русского человека мгновенно находит здравые мысли, чтобы не позволить панике подступиться. Гул слышали многие, живущие не так далеко от западных границ СССР. Слышали пожилые люди, слышали взрослые женщины, труженики сельского хозяйства, дети. Слышали этот звук и красноармейцы.

Тарахтящий звук, наполняющий воздух монотонным гудением, словно грубая труба, постоянно гудящая где-то в небе. На сотни километров звук расходился от воздушных объектов, которые не все видели. Для наших людей ничего не происходило, однако, в душу каждого слышащего этот гул, вливалось навязчивое напряжение. Оно занимало свое место в голове, в чувствах и даже в ощущениях тела. Каждый находил свое объяснение этим звукам. Однако у каждого русского человека это напряжение начинало ковать сталь Великого Духа России в печи сердца, Великого и непобедимого стержня, о который в будущем сломается все, что накопили враги нашей Родины. Чувствовалось, что эти звуки не исчезнут бесследно. Монотонно это понимание доходило до сознания всех, кто слыша их. Это летели немецкие самолеты. Они летели уничтожить силы РККА. Они не знали, что силы Русского Народа никогда не были и не будут со-

средоточены в железе. Русский Народ научит весь мир знанию, что сила находится внутри Духа! И если один этот гул начинал пробуждать древнейшие силы Русской Мощи в душах этих простых людей, то как же воскрешался этот Великий Дух с падением каждой бомбы из этих стальных гробов. Как рос этот Дух с каждым шагом захватчиков, посмевающим не уважать эту Землю и этих людей! Не дай Бог кому-то еще даже в мыслях позволить себе подобное вероломство на нашу страну!

В этот день вся наша необъятная Родина услышала о начале вторжения фашисткой Германии в Советский Союз. У каждого русского человека была своя реакция на эту неожиданную и не желанную новость.

Представим. Вы стоите и наслаждаетесь видом на самую знакомую вам реку, на ее берега, траву, вспоминаете моменты из жизни, связанные с этим местом, улыбаетесь и вдруг... вам по голове ударяет камень. Не очень большой, но искры из глаз сыпятся. И вот теперь скажите самим себе, какая у вас будет реакция? Что вы скажете в мыслях, что вы скажете вслух? Вот, похоже, именно сейчас и проявился древний Русский Дух. Слова и мысли хоть и будут у всех разные, все же на всем пространстве бывшего СССР они очень похожи. Мужчины где-то будут очень откровенны, а где-то внешне очень сдержаны, ведь рядом дети и женщины. Тогда каждого эта весть застала в своем месте жизни, но выключатель

сработал на всем пространстве СССР. Русские включились в режим «ПОБЕДА».

Немцы атаковали наши рубежи. Они считали, что бой идет только по линиям их продвижения. Но они ошибались. На территории всего Союза наши люди атаковали военкоматы. Русскому человеку, а тогда мы говорили – советскому человеку, не просто разобратся в мирной жизни, поэтому он может выглядеть не таким внешне – важным, как представитель другой нации. Однако стоит на него начать нажимать, он мгновенно сориентируется и никакие сомнения не остановят его в выборе – свой/чужой. Ничто его не остановит от стремления занять свое место в строю, чтобы мощью всей своей души заслонить свой народ, стиснув зубы и устремив свой взгляд в самое сердце любого захватчика.

Мужчины рвались в бой, а женщины на любые работы, способные наиболее быстро обеспечить нужды фронта. Тетива лука русского ответа натягивалась. В последующем, немцам так и не удалось привыкнуть к тому, что каждый мощный ответ русских или каждое их поражение лишь натягивало эту тетиву все сильнее.

Неизбежно среди русского народа было много и тех, кто никак не мог включиться всей душой в происходящее. Страх, презрение к действующей власти за десятилетия крови внутри страны, свои личные счета с силовыми структурами, затаенная обида, все это находило свое место среди народа. Однако эти люди испытывали тяжкое душевное дав-

ление, исходящее из сердца. Постепенно и они принимали действительность, заставляли себя прощать своим согражданам великие ошибки и грехи, смирялись, что должны встать плечом к плечу с ненавистными ранее согражданами. Приходилось забывать горечь утраты прошлой эпохи царской России, смиряться с тем, что большинство русских молчаливо согласилось с осквернением божественных принципов и не смогли различить сильно-закамуфлированного врага, прикрывающегося великими идеалами. Но началась война. И если во время гражданской войны враг заставил русских убивать друг-друга, то сейчас и те и другие ясно увидели перед собой общую угрозу. Угрозу уничтожения не только сел и городов, не только церквей и промышленных гигантов, но уничтожение самой сути русской нации фашистской машиной истребления людей, кто не вписывался в концепцию «высшей расы», надуманной воспаленным умом, лишенной чувств и мудрости, личности – Гитлера. Потребовалось русским людям выбросить бред распрей внутри страны из голов и объединиться в едином кулаке, которым только и можно было отстоять право на жизнь, не дать фашистскому строю пустить корни на планете Земля. И когда один за другим эти люди, смиряющиеся с ошибками своих братьев, прощали, пусть и не осознанно, своих сограждан, камень с их души спадал, и радость, стремление встать в строй охватывала их жарким желанием послужить и любой ценой отстоять свою Родину. Кулак был сжат, люди объединились.

Стоит запомнить это свойство русских! Можно долго обманывать и пытаться столкнуть лбами русских и их соседей, их братские страны. Но стоит только врагу показать свое лицо, а это неизбежно, ведь подлый враг не удержится и нагло заявит о себе, как и раненый враг, озверев, тоже проявит и обнаружит себя, тогда неожиданно для провокаторов русские снова сожмут этот беспощадный кулак. Бойся Русских, враг! Неизбежна твоя смерть! Лучше будь другом Русскому!

А тем временем фашисты лапали Россию. Методично, по-немецки, они гоголем вползали в нашу страну. Как же надо было запудрить мозги офицерам фашистской армии «великими идеалами», а мозг рядовых замутить беспочвенным страхом, что русские собирались напасть на них первыми? Как же надо было оторваться от реальности, чтобы потерять ценность жизни человека, ценность души и поставить на этот пьедестал надуманные ценности нацистов. «Ценности», обесценившие всю Жизнь.

Быстро менялась картина мира для тех, кто вчера шел на работу, разговаривал с соседями, коллегами, нянчил детей, вытирал благородный трудовой пот с лица, зная, что придет домой вечером к семье. А сегодня эти люди собирают внутри себя все силы духа, чтобы хотя бы понять, что делать, как жить под звуки лязгающей стали фашистской бронетехники, под градом осколков, не щадящих ни беременных, ни детей, слушая немецкую речь, в которой не имеет смысла искать какой-то надежды, видя летящие мирным

строим стальные кораба со смертью на восток и возвращающиеся обратно опустошенными. Постоянно ловили взглядом отверстия дул оружия в руках немцев, которое ежедневно заставляло ложиться на землю в последний раз и стариков, и детей и женщин, которые не были в состоянии хоть как-то помешать захватчикам. И посреди всей этой, внезапно возникшей, вакханалии русские люди находили силы продолжать жить, находить себе применение, довольствоваться тем, что есть, смиряться и прощать споткнувшихся на трудностях соседей, заискивающих с немцами и вставших под их командование. У русских оставалось достоинство. Женщины оставались женщинами, шли по своим делам, зная, что в любой момент могут быть убиты. Но режим «ПОБЕДА» был включен у всех. Им они жили!

Один в поле воин!

Звуки пулемета. Короткие очереди, быстро сменяющие друг-друга. Настойчивый характер выстрелов. Немцы уже нанюхались русской обороны, пусть и не способной остановить их натиск в той степени, чтобы отказаться от планов захвата, но похожей на атаку разоренного улья с пчелами. Не смотря на свое высокомерие и самоуверенный вид, фашисты уже знали, что даже от одного русского пулемета им может быть очень несладко. На этой земле пешки, почему-то легко могут бить ферзя. Это правило немцев очень напрягало, но найти ключ к разгадке этого секрета им так и не удаст-

ся.

Русский пулеметчик продолжает бить прицельно. Немцы уже и не надеются, что занятая ими территория свободна для прогулок. Они знают, что скоро этот пулемет замолчит. Они стремятся не тратить свои патроны. Они прагматичны. Они называют это военной логикой. Военная логика для них значит больше, чем возможность ранений их товарищей. Если бы на их месте были русские, они бы заставили замолчать этот пулемет, даже ценой своей жизни, чтобы защитить своих сослуживцев. Этот секрет фашистам тоже так и не удалось разгадать.

Упитанный, спортивный немец вжимается в землю, чтобы его не зацепило. Внутри у него что-то происходит. Это совсем не то, что он хочет чувствовать. Звуки выстрелов советского бойца, передают его настрой. Он продолжает вести огонь, словно господствует на этом пространстве. Немец понимает, что они дают сейчас русскому возможность продолжать огонь. Русский этим пользуется, пользуется так, словно это он заставил немцев не поднимать головы. Однако правда в том, что немец сам не хочет ее поднимать, знает, то же самое происходит с каждым его товарищем. В душе у немецкого солдата «скребут кошки». Нарастает скверное чувство, он лежит и проигрывает какую-то битву, которая гораздо важнее той, что скоро закончится. Ту битву, где русский одерживает над ними победу. Победу в Духе, победу в воле. У немца сводит зубы. И он надеется, что может кто-то всё-таки за-

ставит замолчать этого пулеметчика! Немец начинает мысленно ругаться. Внезапно он начинает чувствовать какую-то ясность в сознании. Его взгляд упирается в корни и стебли травы, которая давит на его лицо. Он начинает замечать запах земли, которая не похожа на запах тех мест, где он бегал мальчишкой. В его голове возникает образ другого мальчишки, который тоже весело бегает по траве, играя с другими ребятами. Он такой же веселый и простой, не желающий никому ничего причинить плохого. Он просто человек. Немца пронизывает зов к жизни, к ее красоте и радости, которая почему-то забывается на войне. Он лежит и чувствует, что все его существо стремится вернуться домой и просто жить! Его существо требует уважения и любви к этой Земле, которая имеет своих детей и хозяина, требует почитания.

Фашист понимает, что превращается из солдата в простого человека. Он находит мысленные причины отказаться от этих чувств, он выбирает военную логику. Тут же все улетучивается! Нет больше ни радости, ни теплых воспоминаний, ни чувства любви к Родине, есть просто военная логика, она сейчас в роли божества. Немец выбирает подчиниться ей. Пулемет затих. Почему-то немец и его товарищи осторожничают, пытаются обойти точку с пулеметом, прячась за постройки. Они уже привыкли, хотя и не говорят друг-другу об этом, что русские просто так не умирают. Немцы двигаются, но внутри испытывают напряжение, будто им противостоит отряд. Это то, с чем им придется смириться

до конца войны. И это секрет, который они так же не смогут разгадать. Военная логика здесь бессильна. Божество немцев не имеет власти на этой земле.

Русский знает о поведении фашистов. Он знает, что они боятся. Он знает, что воспользуется их осторожным подходом в своих целях. Он ждет первого, зная, что остальные потеряют доли секунды и не помогут его товарищу. Через несколько секунд слышны звуки глухих ударов, сдавленный короткий крик человека, выстрелы немецкого карабина, а затем активная немецкая речь, дающая выйти эмоциям после спавшего напряжения.

Наш немец видит картину. Окровавленный русский солдат со сжатыми зубами, словно продолжает улыбаться, и истекающий кровью со смертельной ножевой раной, немецкий товарищ. Немец душит внутри себя приступ гнева на самого себя за то, что ничего не предпринимал, чтобы не дать русскому навредить их команде. Немец промолчал. Но он это сделал не один. Многие проглотили такую же мысль. Все-таки совесть не зависит от выбранных божеств, и от военной логики. В душе немец понимал, весь бой он проигрывал русскому. Проиграл и в конце. А русский владел ситуацией и сейчас лежит непобедимым, поскольку свою победу уже записал в летописи Русского Духа. Немца поташнивало. Он все больше и больше осознавал, что реальность совсем не та, что выстраивалась командованием и вдохновляющими идеями завоевательной линии, он понимал, что этот

русский помог ему приземлиться, встретиться с самим собой, увидеть мгновение реальной жизни, против которой он и его товарищи сейчас пытаются воевать. Он чувствовал, что воевать с жизнью, можно только в ущерб себе. Это понимание будет расти в его душе, постепенно отвоевывая место в его сознании, до самого последнего его вдоха в этой бойне на чужой земле. Немцы даже не пытались строить из себя победителей. Из этой перестрелки они вышли молчаливыми и со следами печали, еле уловимого в их глазах, страха перед той огромной страной, которая их ждет впереди. Этот страх не принадлежал душам этих солдат. Этот страх занял то место в душе, от которого они отказались, не желая верить тому, что чувствовали, заслоняя зов совести, поддельными нацистскими ценностями. Этот страх сыграет с ними злую шутку!

Просто русский парень

Несколько молодых солдат-красноармейцев заканчивают выполнение задач по свертыванию позиций для отхода на восток. Солнце и трава с перелесками выглядят очень родными, хоть и родились эти ребята не здесь. Приятный воздух обдает ветром, заставляет ощущать плотную ткань гимнастерок, напоминая, что на них сейчас надета военная форма. Ребята чувствуют под ногами знакомую, родную землю. Они знают, что скоро вновь будут сражаться за эти просторы, за людей, которые здесь живут, которые ждут Победы.

Вскоре до всех дошла команда выдвигаться. Тянувшая неприятная боль в сердце отозвалась у молодого парня. Покидать эти земли очень не хочется. Одно обнадеживает, отойдем, закрепимся и дадим жару фрицам. Он шел по направлению к месту сбора, походка была ударяющей, тяжесть сапог помогала тверже наносить удары пятками. Нижняя челюсть была напряжена, этим же напряжением были охвачены плечи, руки, грудь и лоб. Ветерок приятно щекотал волосы, вылезшие из под пилотки и по-матерински ласкал лицо парня. Он был все тем же юнцом, который недавно помогал родителям по хозяйству, учился, размышлял. Он не чувствовал себя солдатом, он был просто русским парнем, который был вынужден одеть военную форму и взять в руки оружие. Он был рад, что все это у него есть сейчас, когда по-другому нельзя помочь Родине. Он шел, и состояние, которое его охватывало, все больше и больше связывало его с этой пядью Русской Земли. Все вокруг ему словно улыбалось, словно Мать Россия прижимала всю его душу к своему сердцу. Внутри у парня нарастало чувство, сильное желание и радость помочь Матери, помочь России.

Его подозвали ребята сослуживцы, сказали идти к командиру. Командир увидел перед собой парня невысокого роста со светлыми волосами и не самым крепким телосложением. Выбор пал на него. Что-то подсказывало командиру, что он не прогадает. Он поставил задачу парню и тот без раздумий принял приказ. Ему помогут несколько бойцов подготовить

точку для орудия, он останется здесь один. В первые дни, недели и месяцы войны таких бойцов оставалось на пути отступления красной армии много. Далеко не большая часть из них стала известна стране. Многие унесли свой подвиг с собой, оставив России пламя своих бесстрашных сердец!

Молодой парень спокойно воспринял данный ему приказ. Он даже стал более спокоен, чем был, поскольку теперь ему не надо оставлять эту землю под башмаки противника. По крайней мере до тех пор, пока он жив! Возникшее чуть ранее напряжение превратилось в собранность. Парень думал, как он должен действовать, как можно быстрее остановить колонну с техникой немцев, которая должна будет здесь идти? Орудие хорошо замаскировали. Возможно, немцы не сразу обнаружат его. Она стояла под углом к дороге, и наводить его, было несложно по всей открытой части этого пути. Молодой боец словно всей душой сросся со всем вокруг. Такое было состояние, будто он чувствует здесь все. Поле, траву, кусты, деревья, дома в деревне, воздух. Он словно стал одним целым со всем этим и мыслил он всем этим охватом. Только тот, кто искренне готов отдать всего себя своей земле может почувствовать такое, а земля сделает его непобедимым!

Все было подготовлено. Карабин с патронами согревал. Ночью спать ему не хотелось. Он понимал, что недостаток сна он почувствовать уже не успеет. Что-то похожее на молнию или на гигантскую искру внутри занимало место во всем

его теле. Мысли не блуждали. Они словно остановились. Все в нем ждало его часа. Внутри закрепилось чувство радости и уверенность, что он не даст врагу пройти, враг не сможет пронести все свое оружие через этот участок пути. Его немного потряхивало от напряжения и прохлады, но желания греться не было, совсем не хотелось отвлекаться от полной собранности, которая пронизала каждый сантиметр его тела сосредоточила остроту ума. Глядя на перемены в небе, он ждал рассвет. С его приближением становилось все легче. Мир словно сужался, вся его жизнь сосредотачивалась на небольшом участке земли, но зато внутри росло что-то огромное и непобедимое.

Солнце уже поднялось над удаленным лесом. Неясно, когда именно начал прослушиваться гул моторов, он нарастал. Солдату не хотелось осматриваться, ему не нужно было смотреть в последний раз на эти просторы, все это было настолько соединено с ним, что он итак все чувствовал, осознавал. Не было никаких мыслей, не было никакой неприязни к врагу. Он просто ждал пока, поднимающийся вдаль, сероватый дым сменится темными точками, ползущими по дороге. Они не были похожи на грозную технику, они больше напоминали мышей или ползущих жуков. Придётся пробить им борта! Они нашли неправильные дороги для своих походов, в гости их никто не звал!

Выбрав снаряд по броне первой вездеходки, закрыл механизм. Распланировал несколько следующих выстрелов. Те-

перь пора встречать первого. В голове запульсировало. Комок силы и спокойствия не позволял шелохнуться. Через несколько секунд броня первой машины должна появиться в прицеле. Парень крепко сжал руку на механизме и прильнул к прицелу. Увидел броню и, переживая, чтобы успеть, рванул рукой. Вот он первый выстрел. Теперь бой начался. Вскинул голову – горит. Рядом с пожаром и соседними машинами засуетились муравьи. Но парню не до них. Ему нужно замкнуть колонну. Глаза. Руки. Вращение. Выбрал наиболее дальнюю из возможных для удара точку. Прицел. Снаряд. Ждать. Уже привычнее – рывок! Горит! Первый вздох. Теперь бой будет здесь, разойтись колонне сразу не удастся. Некоторые машины еще двигаются, видимо еще не поняли происходящего. Теперь надо успеть поджечь больше жуков. Слышна стрельба. Немцы стреляют, но пули пока ложатся далеко. Они еще не обнаружили огневую точку. Солдат продолжает выбирать цели, меняет снаряды, рвет рукоять. Цели почти неподвижны. Некоторые пытаются съехать с дороги, но остаются в прицеле. Что-то внутри происходит. Наполненность силой, которой нет даже сравнения с земными мышцами. Нет ни капли ненависти или злобы. Нет уже и чувства объятия земли вокруг. Нарастает состояние родного дома, такого знакомого, что все внутри устремляется туда. Все движения происходят, будто под руководством кого-то внутри, совершенного, спокойного и любящего. Сердце горит каким-то огнем, словно любовь охватывает все, и даже мура-

взвев, которые стреляют. Искры. Пули ложатся в стальную защиту и ricochetят в разные стороны. Солдат прячется за стальнойю. С большей осторожностью он продолжает закладывать снаряд, вертеть ручку и рвать рукой механизм. Уже стало труднее выбирать цели – много дыма. Но без промедления солдат продолжает действовать. Что-то добавилось в звуках. Кроме треска, криков, выстрелов и звона защиты появился этот звук. Словно оркестр или хор наполняет очень приятными звуками сердце солдата. Треск в ушах! Пыль с землей и удар волны с запахом гари. Прицел сбивается. Подкручивает. Выстрел! Еще один транспорт горит. Пули ложатся с двух сторон. Скоро они уже будут здесь. Хор в груди или он в голове? Но он не прекращается ни на секунду. Этот звук греет душу и его не может заглушить даже разрыв снаряда в нескольких метрах. Снаряд. Прицел. Рывок! Уже трудно разобрать попадание, но руки крутят рукояти и рвут следующий! Снова треск в голове. Уже сложно различать звуки на земле. А хор все яснее и яснее звучит волшебной-красивой мелодией! Вдруг, все замерло! Последний взгляд на рукоять остался неподвижным... Картинка земной жизни остановилась... Но то, что так наполняло все это время, то, что звало домой, продолжает жить, словно жизнь только начинается. Вдох. Его глубина бесконечна, свежесть несравненна, чистота кристальна. Хор с оркестром подхватывает душу, и она взмывает в светящееся пространство. Мать-Россия передала своего ребенка в надежные руки. Благодаря искренности

этого солдата, жизнь поможет спасти намного больше людей, чем могло бы быть. Жизнь знает, как это сделать, она все-сильна!

Пули до сих пор хлопают по земле вокруг перевернутого орудия, чиркая и по стали. Немцы подползают, опасаясь встать, и поливают из стрелкового оружия. Приблизившись, видят тело солдата, с темными от крови волосами, с дымящейся гимнастеркой, валяющимся рядом погнутым карабином. В нос ударяет запах жареного мяса и некоторые закрывают нос. Осознав, что тело одно, пригибаются и начинают беспорядочно стрелять по кустам, по траве, боясь поднять голову. Снова ползут. Потом встают и проходят несколько десятков метров. Понимают, что если бы кто-то и был здесь, они бы уже видели следы. Обида смешивается со злостью, а на глазах у одного немца появляются слезы. Он их прячет. Кто-то решается сказать по-немецки:

– Что эти русские о себе вообще думают?

Чертыхаясь, идут к колонне, которая больше напоминает полыхающий вагонный состав. Состояние немцев удушающее. Им сейчас предстоит сказать офицеру, что русский был один.

Техника почти вся разбита. Личный состав частично ранен много водителей погибло, и солдат тоже стало меньше. Словно давящее, отягощающее все нутро, облако боли оседает на души немецких солдат. Они ходят по незнакомой земле, и, кажется, она не хочет держать их ноги. Каждый

шаг отзывается неуверенностью. Логика в голове ломается и не находит средств для ремонта. Чего ждать от русских? На этот вопрос немцы так и не смогли найти ответ. Но каждый раз, вновь и вновь они понимали, что ожидать этого было невозможно! Действительность горечью отзывалась в горделивом сознании людей, кумиром которых стало надуманное понимание о превосходстве одной нации над другой. Жизнь готовила для них еще много уроков по этому предмету. Немцы множество раз еще придут на пересдачу этого экзамена. Эта ересь будет жестко выветрена из их голов. Жизнь об этом позаботится!

Командир отходящего отряда красной армии не мог уже слышать этого боя, за ночь они сумели проделать большой путь. Однако чутье и понимание обстановки давило осознанием, что парень, который, возможно, еще не успел даже получить специальность, всей своей русской душой хозяина этой земли сдержал крупную группу немцев. Интуиция командира подсказывала, что у него и его солдат теперь есть значительно больше времени, чем могло бы быть, если бы не этот молодой парень, который даже и не думал о воинской чести и храбрости. Он просто продолжал быть русским парнем.

Кто здесь хозяин?

Солнце слепит. Мороз заставляет лицо сильно морщиться. Небольшой, но жгучий ветер добавляет напряжения. Во-

круг белая пелена, на которую тоже больно смотреть. Сквозь узкие щелки зажмуренных глаз, командир всматривается в каждую деталь впереди. Уже возникла привычка не приклоняться надолго к стенкам, чтобы не мерзнуть. Это только с виду танк выглядит устрашающе, когда в нем находишься, кажется, что ты в железном склепе. Не всем доводится из него выбраться живыми. Однако, покуда есть силы драться, пока есть хоть что-то сильнее собственных зубов, это возможность пробить брешь в искусной машине войны немцев. Мы знаем, что готовы умереть, но выжать все возможное из обстоятельств и железа – в наших силах. А железо у нас не плохое!

Грохот двигателя согревает своим однообразным звуком. Ожидание боя выматывает, но заставляет уравновеситься. Только в равновесии есть шансы, что ты сможешь причинить врагу достойный ущерб, а может и выжить.

Идем колонной к своим позициям. Пар дыхания немного обогревает заиндевшее лицо. Кажется, что снежные, куски леса, почти чистое небо и само солнце сейчас обратили свой взор на меня, и молчаливо о чем-то говорят. Словно улыбаясь, подбадривают, напоминают о том, кто хозяин на этой земле. Но почему-то от этого не легче. Сумеет ли мы отстоять все это? Умереть то мы готовы, но сколько нас нужно для этого? Все это злит и еще больше подогревает стремление бить врага.

Мы на позициях. Прячемся в небольших перелесках, что-

бы противник не сразу смог разведать наше присутствие. Ждем приказа. Разговоры, смех. Многие хотят общаться, курят. Для кого-то это будут последние встречи в жизни. Все это понимают и рады друг-другу как никогда. Долго не задерживаются, расслабляться не стоит. Чтобы быть готовым к бою, нужна собранность. Я дышу запахами леса, смешанными с выхлопными газами и запахом одежды. Когда смотришь на деревья, становится легче на душе. Вспоминается мирная жизнь. Стоило бы ценить ее больше.

Ночью еще стоим. Караулы совместные, поэтому все смогли поспать. Еще задолго до рассвета поступила команда – выдвинуться вперед и сократить дистанцию между нами и ожидаемым рубежом встречи с противником. Ночь не лучший наш союзник в бою, а вот для переброски техники очень кстати. Двигаемся медленнее, чем днем. К рассвету выходим на боевые позиции. Разведка в последний раз сверяет карту с местностью, и мы определяем позиции отдельных танков и пути для наступления. Пехота готова и уже распределилась по танкам. Должен поступить приказ к атаке. Ждем. Ни о чем другом думать не хочется. Быстрее бы в бой. На броне от мороза не спрячешься, долго так пехота сидеть не может. Мужики начинают слезать с танков, греться, как могут.

Снова заводимся. Пехота быстро поняла, что есть приказ. Ну родные, не подведите! Танки расползаются по фронту на свои позиции. Дождавшись построения, выдвигаемся. Теперь дело за действиями каждого танка и каждого сол-

дата. Преодолеваем рельеф и набираем скорость. Мы знаем, что враг в окопах. Наверняка нас сейчас встретит артиллерия. Похоже на обычный марш, отличие лишь в том, что точно знаешь, сейчас начнется бой. Пехота жметя друг к другу, прячась за броней. Их бой начинается позже, а для этого им нужно выжить. С некоторым разрывом весь отряд танков двигается вперед. Вырваться из общей линии атаки не стоит, слишком много можно привлечь на себя огня. Ждем вспышек впереди, внимательно смотрим.

Есть вспышки!

– Маневр! Крик командира, падающего вниз и закрывающего люк. Танки начинают один за другим менять направление движения и первые взрывы немецких снарядов обозначили начало боя. Теперь многое зависит от точности выстрелов, сможем ли мы подавить эти позиции, с которых ведется обстрел? Теперь кому на что повезет. На ходу танки ищут цели, но пока выстрелы в основном не прицельные. Все ближе к линии обороны врага. Теперь бой завязывается основательно. Приходится больше рисковать и останавливать танк, чтобы выстрелить прицельно. Некоторые точки немцев замолчали. Но и остальные держат в напряжении. Пехота вступает в бой, атакует стрелковые позиции, старается держаться сзади брони, бежит бегом. Танкисты слышат постоянный гул. Одни и те же действия. Маневры, команды, выбор ближайших для наводки целей, выстрел, зарядка. Танковые пулеметы начинают бить более прицельно. Кто идет из машин

в общем строю, кто уже нашел последнее место стоянки, этого не видно. Окопы совсем близко. Греет душу, что где-то рядом наша пехота, есть шансы прорваться вперед. Пулемет почти не прекращает бить. Кроме постоянного звона от ударов свинца о броню, других попаданий пока не было. Мы подпрыгиваем на насыпи и снова падаем вниз. Прошли окопы. Двигаемся вперед. Башней ищем ближайшую цель впереди. Танк! Поворот башни. Выстрел! ...не наш...

– Черт возьми! Откуда они взялись? Я простой пехотинец. Только что мой щит пробило как скорлупу. Мы еще бьемся с точками в окопах, а тут они. Этот танк немцев тоже не долго прожил, успел выстрелить первым по нашему, но в борта ему пришлось сразу несколько снарядов. Танки защитить мы не можем, они вступили в бой, а нам надо взять окопы. Из окопов немцам не высунуться, пока мы еще живы, вот это и поможет танкам. Ноги сами вскакивают, и я бегу к образовавшейся брешли линии огня немцев вместе с другими бойцами. Кто-то падает, кто-то успевает прыгнуть в окоп. Постепенно продвигаюсь по окопу. Сзади слышу стрельбу, значит, там кто-то из наших делает свою работу. Еще несколько мгновений и окопы захвачены со всех сторон. Судя по тому, что танки ушли вперед, немцы или отступили, или потеряли всю технику. Мы заканчиваем в окопах и рвемся за танками. Мы бежим. Нас немного, но и сопротивления уже практически не встречаем. Разбитые несколько орудий в кустах. Горит два немецких танка. Впереди идет бой. Танкисты бьют

с небольшого расстояния в упор. Теперь бежим изо всех сил. Есть возможность помочь танкам гранатами, но нельзя попасть под огонь своих танковых пулеметов. Подтягиваются с флангов еще несколько наших танков, и остатки немецкой техники быстро загораются. Танки осторожно идут вперед, и мы догоняем их. Бой закончен. Нагонять отступающих не имеет смысла, у нас осталось меньше половины танков, а пехота почти без сил. Сейчас мы закрепимся и будем ждать данные разведки и команду.

Надо вернуться к раненым, собрать оружие. По сравнению со звуком боя, сейчас тишина. Вокруг все та же природа, наша родная. Вот только все вокруг в гари и запахе мяса, снег почерневший, с красными пятнами. Работа не закончилась и надо все успеть. Может придти приказ о продолжении наступления.

Небо не для войны

Летчик отряхнул куртку от прилипшей где-то сухой грязи резкими движениями руки и, медленно вышагивая, направился в сторону своего самолета. Приказа взлетать не было. Он просто хочет увидеть своего коня. Погода отличная и для полетов в самый раз. Однако придется подождать. Молодой парень не так давно обучился на пилота. Сказать, что он опытный и вовсе нельзя. В его груди горит заряд радости и желания сражаться в воздухе, он очень благодарен судьбе, что попал в авиацию. Летчик ходит возле своего само-

лета и мысленно всего его ощупывает. Очень хочется снова его оседлать. Очень хочется внести свой существенный вклад в дело Победы. Сила летчика находится в небе. И он ждет своей судьбы.

Рокот винта. Машина сотрясается. Знакомая вибрация. Пилот сидит в кабине и выдвигает самолет на полосу. Несколько других самолетов медленно делают то же самое. Есть задание. Необходимо обстрелять колонну врага на шоссе. Расстояние не малое, поэтому много времени на атаку не будет. Нужно правильно идти по маршруту, на отклонения просто не хватит горючего. Есть риск не дотянуть обратно.

Пора. Разгон по полосе. В небе! Сзади догоняют остальные. Набирать большую высоту нет смысла. Теперь сосредоточиться на местности и карте. Ориентиры видны. Идем вперед. Местность протекает под самолетами. Проходит нужное время. Ориентиры показывают скорое приближение к предполагаемому местонахождению колонны. Выходим на шоссе. Идем вперед и всматриваемся. Ждать долго не пришлось. Темная полоса, растянувшейся колонны, отчетливо видна. Мы рассредотачиваемся и готовимся атаковать по очереди. Пилот идет первым, видит вспышки в первых рядах колонны, снижает высоту и атакует. Дальше идет в разворот направо, где больше леса, идет по кругу, чтобы атаковать повторно. Еще раз повторяет маневр и разряжает почти весь боекомплект. На второй раз колонна выглядит иначе. Много

дыма и целиться почти невозможно. Вдоль шоссе по лесистой стороне летчик направляет машину обратно. Все целы, осталась дорога домой. Уходим вдоль шоссе, чтобы скрыться из обзора уцелевших в колонне, затем резко меняем курс и идем в сторону аэродрома. Идем низко, чтобы быть меньше заметными для погони. Встаем на курс. Снова ждем, пока пройдет достаточное время. И все же одному из нас не повезло, до аэродрома не дотянул. Сел в поле.

На аэродроме летчик спрыгнул на землю. Внутри было напряжение. Не было радости от выполненного задания. Омрачало то, что один самолет не известно на сколько выбыл из дела. Если его заправят, возможно, он сумеет взлететь. На душе скребли кошки. Как бы ни радостно было подниматься в воздух и чувствовать эту свободу, бой не может оставить внутри светлые чувства, пусть это и враг, все же смерть оставляет отпечаток в душе. Но это работа. Все-таки жизнь не перестает показывать всю бессмысленность человеческих игр в войну, игр сердцами матерей. Ценность мирной жизни постоянно давит на сознание. Неужели все войны только для того, чтобы людям осознать то, что они итак давно знают? Видимо людям все мало. Но пока придется бить немцев.

Расплата или возмездие?

Всему телу приходится сопротивляться штормовому ветру. Матрос бежит по палубе, дышит стихией. Опыт и при-

вычка помогают держать равновесие и не отвлекаться от своей задачи. Как бы не было приятно вдохнуть свежего воздуха, сырость и ветер быстро помогают захотеть вернуться внутрь. Матрос занимает свой пост. Группой кораблей мы идем на перехват немецкой группы. Мы должны не допустить проход транспорта. Наверняка его охраняют, а возможно там и подлодки. Погода плохая, значит бой будет ближним и очень опасным. Да и продлится он скорее всего не долго.

Становится светлее. Через несколько десятков минут мы выйдем в сектор видимости противника и станем видны ему. Начинает пробиваться солнце. Значит, все будет немного иначе, чем предполагалось.

Капитан наблюдает за горизонтом. Машины идут почти в полный ход. Кто сегодня выполнит свои задачи, немцы или мы? Да, совесть на нашей стороне. Мы защищаем нашу страну, а они вторглись в чужую. Но если Бог и есть, то он сам распределяет смерть и жизнь. Победа все равно будет за нами, но какой ценой? Все, что мы должны сложить в пламя Победы, это какая-то расплата? За что именно? В голове нет точного ответа на этот вопрос. Однако внутри эхом отзывается все тот же голос, который верит в Победу. Он говорит – преступление против жизни, против своих соотечественников, против веры и святых, против исконных ценностей древней Руси, против самих себя, против совести. Капитан не дает этим мыслям двигаться дальше, словно их

кто-то может услышать. Ему достаточно того, что сейчас ему не в чем упрекнуть себя, он идет вперед для расплаты за прошлое, или принесет возмездие врагу. Все это заставляет перестать думать о мишуре, которая облепила людей. Идеология, форма, цели. Капитан знает главное, на всех кораблях – люди. И каждый выполняет свою задачу и считает своим долгом служить верно. Значит, нельзя заранее все предугадать. Быть готовым умереть, но сделать все, чтобы решить поставленную задачу, вот это в наших силах!

Хорошо бы сюда в мирное время!

Он сосредоточен, одновременно расслаблен, чувствует себя свободно, уверенно. В небе для него нет равного противника. По крайней мере, он с такими в воздухе еще не встречался. В кресле пилота он чувствует себя как на домашнем диване, а управление поддается ему словно послушная лошадь. Он решает использовать боекомплект по наземным целям и наклоняет руль вперед. Мотор ревет на полную, максимально дает вибрацию на кабину. Немецкий пилот точно направляет машину к линии окопов, высота резко снижается. Почти на критической высоте асс тянет руль и, на выходе из пикирования, дает меткую очередь. Столбы пыли взметаются и подтверждают точность. Но оставлять весь боекомплект он опасается, второй заход уже не делает. Обратный путь может принести неожиданную встречу с воздушным противником, а немец прагматичен.

Удовлетворенный поражением живой силы противника в окопах, дает вираж, сначала проходит над порядками своих, затем набирает высоту и берет направление на аэродром. К чему он до сих пор здесь не может привыкнуть, так это к расстояниям. Длина маршрута здесь всегда вносит коррективы в возможности боя. Порой приходится достаточно долго лететь в мирном небе. В такие моменты солдат всматривается в одеяла лесов, удивляется замысловатостью петляющих речушек, играющих с ним бликами солнца, отмечает разные цвета лугов и полей. Что-то внутри постоянно зовет к миру, к спокойствию. Хорошо бы было здесь попутешествовать, не опасаясь противника, в мирное время! Гул двигателя выбивает из приятных размышлений и солдат отбрасывает чувства. И снова в голове правят мысли о силе немецкого оружия и непогрешимости идей рейха. Солдат уже не замечает, что в этих мыслях нет ни капли счастья, есть только убеждение, что он воюет за правильную идею. И воюет он очень хорошо. Он отводит глаза от красоты вокруг и хмурым, немного надменным, взглядом упирается вперед. Но это до следующего раза, когда яркие чувства внутри вновь неожиданно возьмут верх, и он снова на время превратится в простого ребенка, которому все интересно и все радует. Ну а пока он выбирает быть правильным солдатом, асом в небе, и не обращать внимание на тошнотворный ком на сердце и до боли напряженное горло. Он это считает частью своей работы, не обращать внимания на голос души.

Этот голос он когда-то добровольно заменил на голос Фюрера. И пройдет еще немало времени пока он снова не встретится с этим выбором, чтобы осознать, от чего он решил отказаться. А пока он верит в праведность идей Германии.

Чертовщина!

Солдат упирается руками в стальные стенки, чтобы не упасть от раскачивания бронетранспортера. Рядом еще несколько пехотинцев. На броне еще несколько, кто не поместился внутрь. Дороги в России очень часто разбитые, хорошо, что немецкая техника достаточно надежная. Скоро пехота вступит в бой. Их перебрасывают с другого места, чтобы закрыть ослабленный участок по фронту. Воевать они привыкли, готовы вступить в бой и по ходу понять обстановку. А пока можно спокойно поразмышлять, побыть наедине с собой. Однако ничего кроме мыслей о бесполезности войны не приходит в голову. От этого уж совсем становится тяжело, надо находить хоть какой-то смысл во всем этом. Мы едем помогать своим товарищам, а это очень важный мотив. Это вселяет спокойствие и даже некоторую частицу радости, которая в свою очередь навеивает воспоминания о жизни дома в Германии, будит желание попасть туда, выжить в этой войне. Когда чувствуешь смысл жить, то можно и воевать. Хотя вся эта война отзывается какой-то душевной болью, от которой не удастся спрятаться. Такое чувство, что эта боль похожа на Фюрера и даже имеет его голос, честно гово-

ря, хочется от этого освободиться. Чертовщина какая-то!

Усатая мудрость

Матрос уже не молодой, с морщинами на лице, с усами не по уставу, собирается с мыслями, вглядываясь в мерцания воды перед собой, крепко держит руками винтовку. Прыжки катера его не беспокоят, к этому он привык давно. Он давно влюблен в море, в волны и солнце, играющее бликами. Однако сейчас на всей душе он чувствует некий груз, отягощающий и препятствующий ясному и привычному осознанию этой любви. словно колпак из чужих, но очень действенных мыслей давит на привычное умение держать равновесие и остроту ума. Матрос справляется с этим грузом, но ценой напряжения всех своих внутренних сил. Внешне он выглядит спокойным, однако несколько более серьезным, чем обычно. Скоро их высадят на берег, но суша не станет крепкой опорой под ногами. Практически сразу они вступят в бой. Моряк знает, они отступить не умеют. Матросы научились, что им от смерти уйти нельзя. Так же они действуют и на земле. Именно война – имя этому грузу на душе. Моряк уже давно не в том возрасте, чтобы хоть немного видеть романтизм в боевых действиях. Он очень хорошо понял в этой жизни цену мира. Каждая смерть, которую он видел или знал, подвигала его к осознанию бессмысленности, чуждости войны и смерти. Все, что питало и наполняло сердце, все это из области мира и добра. Войне там места нет. Но сей-

час долг. И если ему придется сегодня погибнуть за Великую Женщину – за Россию, он сделает это не из ненависти к врагу, не из веры в пропаганду РККА, СССР. Он сделает это из желания мира. Мира не только для России, даже для этой самой Германии. Может, и качка эта для него последняя?

Пусть думают, что нас много

Тяжелое дыхание. Легкие перенапряжены от длительного пробега. Однако, каждая выигранная минута это шанс успеха операции. В строю легче переносить тяжесть длительного марш-броска. Пот намочил гимнастерку и пилотку. Рука сжимает винтовку, словно на нее можно опереться и разгрузить уставшие ноги. Наша задача – занять линию обороны в месте планируемого удара немцев. Сдержат наступление, означает дать время для подхода основных сил на наше направление. Шансы у нас не велики. Оружия не достаточно для длительной обороны. Некоторый вред мы можем нанести и тяжелой технике, но расчет только на испуг врага, в противном случае нам долго не продержаться. Скоро стемнеет и на позиции мы должны выйти в темноте. Желательно, чтобы нас не обнаружила разведка противника, иначе наше сопротивление будет предсказуемым для немцев, а это дает им шанс обойти нас или просто смять, зная наши возможности. И все-таки у нас есть хорошие шансы на успех операции. У нас есть опыт, и мы знаем, как заставить врага поверить, что перед ним серьезная сила.

Еще через несколько часов бега, мы начинаем окапываться в темноте. На усталость бесполезно обращать внимание, на отдых времени нет, если не хотим стать скорой мишенью. Неизвестно откуда эти силы, но траншеи углубляются. Слышно частое дыхание соседних бойцов и шарканье лопат. Голосов не слышно, все понимают, молчание это шанс не быть обнаруженными.

По данным разведки немцы запланировали проход именно на этом участке. Здесь они не должны ожидать встретить сопротивление, поэтому есть шанс, что мы сможем нанести им достаточный урон, чтобы вынудить остановиться или отойти назад. Пришло время дать себе отдых. Часовые сменяют друг друга, и мы, наконец, немного спим. Земля как мягкая кровать и подушка. Кажется, о большем и мечтать невозможно. Трясаясь от ночного холода и неподвижности, мы все же отчасти восстанавливаем силы. С рассветом мы будим друг-друга. Не хочется встречать бой полусонными. Глазам открывается вид на поле, пересеченное оврагами с двух сторон. Дымка постепенно тает. Начинают лететь птицы в сторону востока. Все оживает, и мы все пристальней вслушиваемся в звуки, чтобы различить среди шума кустарника и пения птиц, звуки моторов, которые должны означать скорый подход немцев. Но пока тишина. Есть время подумать и помечтать, заметить мелочи природы, которые сейчас кажутся такими дорогими сердцу, такими важными. Такой контраст – красота и любовь к земле и ненависть к врагу,

смерть и разрушение.

Время затишья такое ценное! Мы не замечаем, как проходит больше двух часов. Внутри мгновенно начинает действовать военная привычка, мы различаем рокот громких двигателей танков, взгляды прикованы к полосе горизонта. Многие затаили табак, но командиры напомнили про скрытность и мы прекратили дымить.

У нас нет орудий. Есть противотанковые связки гранат, несколько противотанковых ружей и зажигательная смесь. Нам необходимо суметь выжить до близкого соприкосновения с танками, чтобы суметь их подорвать. Нам нужно вывести из строя пехоту, чтобы танки подошли к нам с наименьшим охранением, и это нужно сделать под постоянным огнем танковых пулеметов, пушек и других огневых средств. Артиллерийской подготовки не должно быть, поскольку враг не ожидает встретить здесь линию обороны. Это дает нам больше шансов.

Медленно, как змея начинает ползти колонна техники. Когда расстояние становится достаточно для определения сил противника, подтверждаются данные разведки. Всего четыре танка, несколько бронемашин и грузовики с пехотой. Отличная мишень для орудий или танков, но не для нас.

Беспомощность в ожидании заставляет свыкнуться со звуками приближающихся моторов и увеличивающихся размеров машин. Дорога идет справа от наших окопов, но она уже заминирована и прорыв врага по ней будет сильно затруднен,

после того, как первая машина наедет на мину. Однако, в наших интересах начать бой раньше, чтобы враг был больше открыт для нашего огня.

Бой идет. Нужно постоянное внимание к происходящему, несмотря на гул стрельбы и разрывов снарядов. Враг пытается взять наши позиции сходу, а нам это только и нужно. У немцев приказ пройти на запланированные позиции, и они не сразу понимают, что это не просто засада. Осторожно и прицельно мы стремимся снизить число пехоты противника. Танки чувствуют себя не в своей тарелке. Часто останавливаются, маневрируют. Видимо не понимают, где наши оружейные точки. Достаточно бегло бьют по окопам и снова пытаются понять, откуда их будут атаковать наши батареи, которых нет. Огонь сильно прижимает нас к земле, приходится постоянно менять позицию и делать прицельный выстрел. Многие бойцы уже весьма опытные, есть чутье. Пока держимся. В какой-то момент мы понимаем, что танки почувствовали полную безнаказанность и открывают постоянный огонь по нам. И наше благословение, что они начинают на нас двигаться. Каждый из нас, кто еще в состоянии воевать, понимает ситуацию и вгрызается в прицельную стрельбу по пехоте. На танки не обращаем внимания, пока они ползут в нашем направлении. Броневики уже горят, снятые точными выстрелами противотанковых ружей. Немцы все чаще надолго залегают, прижавшись к земле, из-за встреченного сопротивления, и это позволяет нам получать некоторое

преимущество в стрельбе, несмотря на их численное превосходство. Видимо они решают, как использовать силы, но их танки уже подходят к нам ближе. Их сопровождение разрозненно и мы тратим последние секунды перед схваткой с танками на окончательный расчет с пехотой за ними. Огонь танковых пулеметов становится очень плотным, и мы больше не можем поднять головы. Каждый танк мы ждем. Может быть, создается впечатление, что нас здесь почти не осталось, мы прекратили стрельбу, чтобы не подставляться и сберечь силы для атаки. В близком бою пулемёты не смогут нас достать, а пушки и подавно. Бойцы со стрелковым оружием в готовности встретить солдат противника, если они прорвутся в окоп, и прикрыть огнем во время атаки на танки.

Снова ожидание. Грохот стоит такой, будто танки уже над головой. Однако опыт у нас уже есть. Мы ждем. Эти секунды длятся очень долго. Первый танк подошел вплотную и всего в трех метрах от окопа подорвался на брошенной связке гранат. Тут же летит бутылка со смесью и танк горит. Прикрытые горящим танком, несколько бойцов встречают контуженых танкистов и бьют выскакивающих с одной стороны танка пехотинцев. Другие танки резко останавливаются. Эффект неожиданности всегда хорошо работает в бою с немцами. Они явно не ожидали такого поворота. Стрелковый огонь становится шквальным. Мы понимаем, что сейчас наш главный противник не пехота, оставшаяся позади танков, пристреливающая наши позиции, а сами танки. Мы снова

залегли, ждем. Противник выливает массу очередей и одиночных выстрелов, заставляя нас держаться ближе к земле в траншее. Как только шквал огня стихает, танки снова идут вперед. Каждый этап длится всего несколько секунд, но опыт и внимание позволяют четко их различать. Подрыв. Еще один танк в огне. Остальные два танка без остановки делают маневр, и один из них двинулся к дороге справа, другой пошел под склон в обход слева. Теперь остатки пехоты немцев пошли на нас с непрерывной стрельбой, видимо, осознав свою ошибку отпустить танки вперед с небольшим прикрытием. Они уже не лежат долго на земле, встают, перебегают, постоянно стреляют. Каждый из нас уже не знает, насколько способны держаться части нашей траншеи. Надежда только на себя. За правый танк мы решили не беспокоиться до момента подрыва, а вот дать пройти слева второму нельзя. Кто-то все-таки сумел сделать около пяти выстрелов из противотанковых ружей в борт танка, и он остановился, однако пушка продолжала бить по окопу. В последних силах мы делали главную работу сейчас – сопротивлялись подходу атакующей немецкой пехоты. Две башни танков сокращали нашу численность, но немцы все-таки залегли. Мы услышали взрыв справа. Танк сильно пострадал. Взорвались сразу две мины из нескольких, заложенных на небольшом пятачке. Башня больше не двигалась. Воспользовавшись временным замешательством немецкой пехоты, несколько бойцов рванули к левому танку и забросали его гранатами и сме-

сю. Танк рванул боекомплектom. Наши бойцы остались живы и приняли бой с пехотой, укpывшись за танком. Теперь у нас было относительное равенство в бою, что не скажешь о численности. Однако, нашу численность немцы не знают, а у страха глаза велики. Будем стоять, словно нас здесь еще половина.

Идет перестрелка. Нам атаковать нечем, а немцы не решаются. Продолжаем стрельбу из укpытий. Задача выполнена. Нашу часть Победы мы уже принесли в этом бою. Ждем своих. Дождемся ли?

У немцев по расписанию

Все равно, сложно привыкнуть, когда по голове бьет со всех сторон грохотом от разрывов бомб и снарядов. Сложно понимать, насколько велика опасность, рядом взрыв или поодаль. Привычка пригибаться действует сама собой. И уже почти нет сил думать об опасности. Мы не смогли выйти из города, да и некуда нам было идти. Все помирают, а нам что? Уж лучше в своем месте, в родном городе. Во время затишья те жители, что еще остаются в убежищах, в подвалах, выходят наружу. Хочется хоть взглянуть на небо, да на бывшие дома, чтобы напомнить себе о том, что мы на земле, а не в аду. Увидеть хоть живую душу, обрадоваться, что соседи живы. Но уже мало их осталось. Бeзнадега какая-то. Ходим, бродим, ищем чего поесть. А на большее старые ноги не способны. Скоро пора возвращаться. У немцев все как

по расписанию. Вот и мы по расписанию. Не опоздать бы укрыться.

Волчары

Я слышу вой катюш. Маленькая крупица надежды на успешную атаку начинает расти, словно солнце освещает пространство, когда тучи вдруг расходятся. Я знаю, что точность удара Катюш не всегда высока, все зависит от верности координат. Однако точно знаю, немцы начинают сильно нервничать, когда видят приближающуюся волну реактивных снарядов. И если они не сумели подобраться к нам вплотную вовремя, то их позиции обязательно зацепит. Все, что попадет в пяточок удара катюш, смешается с землей. Они это знают. Знают и то, что если наша атака будет безуспешной, следующий залп катюш ляжет ближе к ним. Там где Катюши, немцам страшно оставить оборону. И мы тоже это знаем.

Облегчающий вой стихает. Первая реакция – «жаль». Теперь нужно пробудиться во всей ярости, повременить нельзя. Эффект от атаки катюш должен быть поддержан остальными силами. Внутри рвется наружу огонь, сила готовности рвануть вперед. Ждем приказа. Вместе с выросшей уверенностью, нутром ощущаются мысли страха и пораженческих настроений. Они никогда никуда не деваются. Они всегда ждут и смотрят откуда-то сбоку, словно волки, выслеживающие крупную и опасную добычу, выбирая момент слабости.

Эти мысли привычны. Каждый здесь постоянно чувствует их присутствие. И когда кто-то не выдерживает и убегает к немцам, мы даже не пытаемся часто его остановить, просто потому, что знаем этого зловонного врага, который победил перебежчиков. У нас просто нет моральных сил правильно рассудить и хоть как-то помочь сорвавшимся остановиться. Когда и сам-то находишься на этой грани, порой не понимая, где правильно, а где нет. Только одно и спасает, вижу и чувствую в руках нашу винтовку, сижу в нашем окопе, а значит это и есть правда, значит так правильно. Поэтому мы и не решаемся их останавливать. Правда, иногда их останавливает кто-нибудь очередью. Но от этого легче никому не становится.

Солдат ждет, сидя в окопе. Опыт говорит, что пора. Инициатива ценная вещь. И в этом затишье волчьи глаза сверлят всю душу, склоняя к усталости и апатии. Все зубы сжимаешь, чтобы держать в себе силу и желание бить противника. И как спусковой курок звучит команда – в атаку! Сразу становится легче. Каждое движение и удар от падений, ветер в лицо, грохот голосов, кричащих какую-то мешанину, все это сейчас только помогает держаться одного – вперед и рвать их! Вот сейчас ближе всего к смерти, а волчары сгнули, и мы их не ощущаем. Пули нас бегущих косят, а внутри больше радости, чем в окопе. Смерть рядом, а зубы волкам поотшибало. Дух все же сильнее смерти. Уж лучше побеждать духом, помирая, чем так как немцы.

Вот когда начинаешь любить вонь, вот когда не чувствуешь вшей, когда рад еще тому, что можешь бежать, держать оружие и добавлять в копилку Победы. Уже есть опыт. По тому, как скашивает наших солдат впереди, знаешь, когда надо упасть и пропустить над собой очередь пулемета, а это шанс приблизиться к врагу. Снова как пружина выпрыгиваешь и в три погибели бежишь вперед, чтобы хоть часть пуль пропустить выше.

Когда уже и дыхание захватывает, и ноги не понятно как бегут, наконец-то у некоторых из нас появляется шанс выбить из окопов оборону немцев. Так не хочется видеть их лица. В их глазах страх, детская боль. И приходится в них стрелять. Некоторые из них в другом состоянии, не знаю, за что они тут воюют, но смотрят в глаза уверенно и умирают спокойно, приложив и нас к земле не одного. Какое-то раздвоение внутри. Внешне ты как зверь, лица перекошенные ненавистью, в рукопашной словно волк, рвешь все, что ближе, хоть зубами, руками и всем, что под рукой, а внутри какая-то глубокая тоска, сродни братскому переживанию за всех, кто месится в этом кровавом супе. Граница стирается. Все разговоры о том, кто есть кто, просто теряют всякий смысл. Мы здесь все одинаковые. Мы здесь все – звери. Мы здесь все – люди. И мы здесь все разрываем сердца наших матерей. Мы здесь все одно. Вот здесь начинаешь понимать правду про то, что есть наша жизнь. Вот здесь теряет ценность все, кроме простой жизни. Это не то, что захотят от нас услышать

те, кто здесь не был. Об этом не будут рассказывать те, кто здесь был, кто был на этой войне. А нам надо просто дальше рвать, жать немцев как можем.

Минута войны

Пустые гильзы – хороший знак, их звук успокаивает, значит, еще летят пули в сторону врагов. Пока я стреляю, у моего пилота есть шанс и выжить и задачу выполнить. Я ему доверяю, а он мне. А по-другому никак. Мы оба в руках судьбы, он, я, связаны по рукам и ногам.

Вот еще один. Идет в хвост, чтобы время не тратить и сбить наверняка. Видать не шибко боится меня, надеется на точный удар своей пушки. Но это и мне открывает возможность. Буду бить практически в одно место, кучностью возьму. И ждать я его не буду, уже на дальнем расстоянии начну огонь, чтобы опередить его, иначе я буду первой броней для самолета.

Стрелок штурмовика словно на расстреле, почти никакой защиты, только удача. Все! Встает на курс. Огонь! Мой пулемет начинает отбрасывать гильзы и, по наитию, я знаю, куда ложатся мои пули. Он, конечно, не ожидал с такого расстояния получить очередь, дрогнул и сбился с линии. Это мне на руку, он уже прицельно бить не может. Я отпустил. Он снова встает на курс. Я уже не жду, чтобы он выровнялся, и даю очередь туда, куда он должен встать, чтобы нас атаковать. Расстояние уже значительно меньше, и он обязательно

даст очередь, поэтому я опережаю его. Знаю, что этот не отступится, поэтому жму без перерыва. Выстрел по нам он дает, но виден всплеск дыма перед его кабиной, и он уходит в сторону. Теперь я знаю, единственное о чем он думает – как удачнее спланировать и достичь своих, чтобы не спуститься на парашюте к нам. А мы живы, значит, летим дальше.

Сила, которой нужно доверять

Грохот лязгающего железа вокруг, это единственное, что говорит о том, что мы еще живы. Танк не может нас защитить, сохранить жизнь. Танк это отличная мишень для противника. В обычной жизни вряд ли нашелся бы человек, кому понравился бы такой шум вокруг, от которого одежда вибрирует, но сейчас этот звук успокаивает. Мы прорываемся к линии обороны врага. Командир выжимает всю скорость из танка, и заставляет постоянно маневрировать. Эта тактика общепринятая для наших войск. Так мы пытаемся пробежать между снарядами немцев, однако пуля-дура, чему быть того не миновать. И все же это не танковый бой. Иначе, наши шансы были бы минимальны. У немцев танки теперь намного сильнее наших. Нам нужно как лилипутам к великану суметь подбежать вплотную, чтобы суметь укусить. Они нас за два километра, как орехи щелкают, а мы с трехсот метров только в борта или корму успешно бьем. Но все равно бьем. Только вот фриц может позволить себе выжить, а нам нужно обязательно кем-нибудь пожертвовать, чтобы суметь обма-

нуть немца, заставить его повернуться под выстрел слабым местом.

Все еще катаемся. Но уже близко рубеж. Командир кричит «стой», докручивает башню, мы все замерли, будто наше дыхание может помешать прицеливанию. Выстрел. Команда «вперед»! Снова идем. Командир выбирает оптимальный путь через окопы и дает сигналы о маневрах. Пулеметчик держит фрицев на нашем направлении вжатыми в окоп. Еще немного и нас сзади начнет защищать пехота, которая сидит на броне, а мы рванем догонять отступающие силы, либо вступим в бой с орудиями немцев. Танк подскакивает и ныряет, снова подскакивает, и мы проносимся через окоп. Гул в ушах продолжается. Значит, эту линию мы прошли. Теперь главное не пропустить замаскированные орудия или пулеметные точки, чтобы дать развить наступление. Я хоть и вижу куда еду, да вот командует-то командир, вся надежда на его расторопность и реакцию. Снова остановка. Прицеливание. Выстрел. Командир дает сигнал, и я рву рычаги вперед. Резкий разворот опасно подставляет наш борт, но командир прав. Снова прицеливание. Выстрел. Мы снова делаем маневр, снова остановка. Прицеливание. Выстрел. Крик командира говорит о попадании. И мы все еще живы! Что-то внутри заставляет сжать зубы. И мне сейчас не до команд командира. Какое-то чутье заставляет меня нажать на рычаги, затем повернуть и снова жать вперед. Слышу крик командира, но остановиться не могу, знаю, что нельзя сейчас

отпустить эту чуйку. В руках эта необычная сила, которая уверенно давит на рычаги. Я знаю, что этой силе надо доверять, в жизни я это уже не раз замечал. А раз это так, значит доверять ей – спасти экипаж и продолжить бой.

И точно! Проскочив участок, простреливаемый замаскированной артиллерией врага и собрав лишь редкие удары осколками, мы нырнули в складку местности, похожий на природный ров. Может это был ручей или просто небольшой овражек. Я решил жать по этой ложбине. В ней мы почти незаметны, а вот изгиб ее сразу говорит о вероятном использовании ее противником для маскировки орудий. Тут и командир перестал на меня орать, понял мое желание. И результата ждать долго не пришлось. Под защитой неглубоких склонов на максимально возможной скорости мы обогнули внушительную площадь. Когда складка местности свернула в сторону, и мы пошли почти параллельно фронту, мы наткнулись на первое орудие немцев. Мы выстрелили. Промахнулись, но расчёт рассыпался в разные стороны. Вторым выстрелом орудие разворотило. Я рванул вперед. Командир, наверное, на меня злится, я спиной чую, но мы уже оба понимаем свою задачу, ждем вперед. Ложбина петляет, и мы натываемся еще на одно орудие. Командир орет сдать назад, чтобы суметь прицелиться. Я выполняю и, забравшись немного на склон, останавливаюсь. Не хочу сильно вылезать из укрытия, а наклона командиру должно хватить для прицела. И он не подводит, быстро выстав-

ляет, стреляет, и немецкий расчет не успевает ничего толком предпринять. Мы идем дальше. Почти сразу на линии нашего движения видно еще орудие. Однако в этот раз немцы поняли происходящее и уже развернули его в нашу сторону. Я останавливаюсь. Снова не слышу командира. Жму назад, поворачиваю и задом выскакиваю из укрытия, развернув танк параллельно ложбине. Немцы сделали выстрел, мимо. Теперь им опять надо поворачивать орудие, но им это не поможет. Я рву вперед, жму вдоль ложбины. Сейчас я больше рискую словить снаряд с нашей стороны, ведь немцы по своим позициям бить не будут. Но этот риск меньше, чем продолжать идти по канаве. Пока немцы суетятся, я подлетаю к месту и ныряю в канаву прямо на орудие. Грохот стали о корпус, и я снова выскакиваю из канавы на противоположном склоне. Жму дальше и вижу еще одно орудие, тоже установлено вдоль ложбины. Нас встречают. Останавливаться нельзя. Могут успеть развернуть и прицелиться, да и мы тут как на ладони. Командир уже меня понял и молчит. Я повторил знакомую практику и раздавил орудие. После этого проехал немного по ложбине и понял, что больше не чувствую прилива этой уверенности. Я заорал:

– Командир, че дальше делать?

Чувствовал, что мы смяли противотанковую оборону немцев, и теперь наша атака не захлебнется. Командир повел танк дальше в бой.

После боя мы с командиром сначала не разговаривали.

Потом он подошел и сказал:

– Не забудь, что здесь я командир! Но сегодня ты был прав.

Он уставился на меня совершенно непривычным взглядом, словно смотрел куда-то насквозь меня или за меня и не моргал. Он схватил меня за плечи железной хваткой, тряхнул и сказал:

– Спасибо тебе!

В этих словах было что-то очень тяжелое и очень ценное. Эти слова благодарили за жизнь. В этих словах я услышал ценность жизни. И, похоже, это очень большая сила.

Я подумал: – Слава Богу, трибунала не будет.

Расстреливаю себя

Пулемет работает точно. Я сосредоточен и стараюсь, чтобы лицо было за ним, чтобы сверху выставлялась только каска. Я действую верно, точно выполняю все, чему нас учили. Я верю в силу немецкого оружия, нашей армии. Мой пулемет сеет смерть на стороне врага. Я достойно выполняю свою работу, и мои друзья могут с большой эффективностью контратаковать русских. Я чувствую усталость в руках от вибрации пулемета.

Я постоянно сталкиваюсь с каким-то сопротивлением внутри меня, которое пытается поставить под сомнение мой профессионализм. Я абстрагируюсь от этого и концентрируюсь на своих действиях. Но чем сильнее я отгоняю эти

мысли, тем более явным становится этот голос внутри меня, который не испытывает никакого энтузиазма по отношению к моим стараниям и стремлению выполнять свою работу, быть настоящим немецким солдатом. Я словно отворачиваюсь от этого голоса внутри, чтобы хоть как то заглушить его. Вцепляюсь в пулемет и стараюсь забыть в планомерном и точном истреблении противника. Но вот толку от этого никакого. Хочется от этого просто выть! Что это за голос? Чего ему от меня надо?

Атака русских отбита. Они все лежат на нейтральной зоне. На душе очень тяжело. Уже никакие мысли о качественной работе не могут сравниться с этим нарастающим давлением внутри. Меня затягивает в воспоминания о моей маме и детстве. Этот образ так не похож на все, что сейчас происходит. В этом образе есть любовь, есть свежесть ветерка, лёгкость и радость жизни. Там есть стремление жить и узнавать мир, там есть доброта ко всем вокруг. И там хочется снова быть. По-сравнению с этим образом, который так неожиданно и непрошено ворвался в меня посреди происходящего боя, мои мысли о немецком оружии, о победоносной нации, о профессионализме пулеметчика настолько пусты и бесчувственны, настолько кажутся нелепыми, что мне страшно хочется отделаться от этого наваждения, а точнее сбежать от него, чтобы оно не трогало мое сердце. Но как только я об этом начинаю думать, то понимаю, от себя я не убегу, что отказаться от этого состояния детства, значит

отказаться от всего, что в жизни имеет настоящую ценность, отказаться от любви, от матери, от меня – ребенка.

Черт! Видимо придется с этим жить и воевать. Видимо больше не получится обманывать себя мыслями о выполнении долга перед нацией и верности делу фюрера. Но так я хотя бы буду самим собой, пусть с этой болью и презрением к прошлым верованиям, но это буду я. Черт! Я смотрю на эти трупы русских впереди и уже не вижу в них ни зверей, ни врагов. Это просто еще одни дети, ушедшие от матерей, вырванные из любви и брошенные под мой огонь. Черт! Я же себя расстреливаю...

Хоть один, да куснет хищников

Грязь и холод земли для нас сейчас – мягкое одеяло. Я вжимаюсь лицом в жидкую грязь и чувствую носом и подбородком острые мелкие камни и песок. Иногда поднимаю голову, чтобы вдохнуть и снова вжать ее в землю, словно прячу свое лицо в мамины руки. Все происходит будто в замедленном темпе. Иногда мне удается мельком увидеть сквозь грязь на глазах, что происходит справа и слева от меня. Шквал огня, взрывы мин, снарядов, звонкие удары пуль вокруг о землю, все это заставляет понимать, где я нахожусь. Уже невозможно понять и различить где ложатся пули, куда летят мины. И только ощущая грохот в ушах, понимаю, что пока еще жив. Подняться невозможно, даже голову страшно повернуть. Одна надежда, что каска спасет от шаркающих пуль,

и они отприкошуют хотя бы не в органы. Рано или поздно этот шквал закончится. А тот, кто выживет в нем, решать судьбе. Никогда не пробовал землю специально, а сейчас даже разжевал. Может через минуту я уже не буду этого в состоянии сделать. Я бы рад совершить подвиг, но сейчас я могу только попроситься на прицельную очередь пулемета. Слушаю, ем, жду. Земля качается, а я ее обнимаю. Стараюсь прислушаться, нет ли изменений в шуме огня? Но пока немец не отпускает. Видать решил вцепиться в свои позиции жестко. Черт! Нет уж... Придется мне выжить! Надо же тебе объяснить, что к чему и куда ты залез. Давай уже вываливай все свои оглобли, да иди обедать, наконец! Ну?

Лежу. Жду. Голова сама стала подниматься чаще. Не чувствую пуль, лежащих рядом. Разрывы мин еще вижу, но они сместились. Видимо заберут хлопцы на себя часть смерти. Ну, давай! Где еще залп?

Ну все! Лежать – все равно что сдохнуть. Только подумал, слышу слева крики. Один, второй. Ну уж точно пора! Рву вперед как зверь, толкаясь ногами. Знаю, что сейчас целиться будут. Но нас сейчас меньше, придется целиться лучше, а значит больше шансов кому-то успеть проскочить. Сколько нас? А это не важно, сколько есть! Дадим им пожрать сейчас. Хоть один из нас, да кусанет хищников. Вжимаю всю силу в толчки ногами, меняю направления, сам не понимаю как еще бегу, пригнувшись так низко, будто на коленях ползу. Держу винтовку на изготовке. И ищу, ищу, его ищу... Бегу.

Вглядываюсь. Хоть бы понять, откуда бьет. Так вот же он! Сам не ожидал, что так близко уже к их окопам подбежал. А немец ко мне чуть боком в пулемет вцепился, бьет по нашим. Падаю. Знаю, что сейчас увидит меня. Ему только раз-вернуться немного, а мне еще упереться и прицелиться. Пугать-то мне пустым выстрелом еще хуже. Пусть смерть сама думает, сколько кому времени надо. Упираюсь ответственно. Беру на прицел. Выстрел. Тот медленно отстранился от пулемета. Передергиваю затвор и бегу быстрее туда. Жду, когда к пулемёту следующий подойдёт. Но успеваю туда залезть раньше. Все! Я здесь и пока еще жив. Решаю идти влево по окопу. Скорее всего, туда они направили больше сил, раз пулемет бил туда. Отвлекли их хлопцы, да вот, остались ли кто жив? За патроны не думаю. Два выстрела есть, а дальше штык да руки. Некогда тянуть время. Согнувшись, бегу небыстро вперед, приклад на плече, жду первого. Гул голосов наших говорит о том, что есть кто выжил. А значит, чем быстрее я им помогу, тем больше из них до окопа добежит. Да где же они, черт! Вот вы где! Да вас тут много! Бью одного прицельно и назад за поворот. Передёргиваю затвор. Целюсь, чтобы встретить. Сейчас если не выскочит никто, значит, гранаты бросят. Пару мгновений, никого нет. Стреляют в пяти метрах от меня по нашим, но меня не увидели. Вылезаю из окопа и в ближайшего стреляю. Заметили! Повернули ко мне каски. Ну, все же я их отвлек. Патронов больше нет, а заряжать некогда. Ну, братцы! Давайте поскорее, а я

их немного задержу, если смогу. Падаю снова в окоп и бегу со всех сил к ним. Пара мгновений, вот они! Успеваю опередить первого, пока он пытался отреагировать. Его выстрел пошел левее меня, а я им прикрылся еще от троих за ним. Ну все! Сейчас поймут через мгновение, что этот уже труп и расстреляют меня. Сразу несколько выстрелов над головой оглушают. Мне видимо просто страшно стало. Я стою, словно жду обещанной смерти. Но упали немцы. По плечу кто-то ударил. Я словно назад стал возвращаться, и солнце блеснуло. Оно даже есть? Отдельные трески выстрелов и заканчивается захват позиции. А мужики, как ни в чем не бывало, уже матерятся и о чем-то говорят. Мы прошли полторы сотни метров, а прожили, будто сто лет, потеряв большинство на поле.

Искорки Победы

Как светло! Такая красивая трава! И птицы поют. Так хорошо ходить по земле и смотреть на все вокруг. Так хорошо знать, что все для жизни есть, а взрослые знают, что и как нужно делать. Так хорошо жить! Вот бы всем людям так же все чувствовать! Легкий ветерок с полей все же приносит беспокойство. Где-то далеко в нашей огромной стране идет война. Я не знаю, какая она. Говорят, там умирают все люди. И мамы и дети. И у нас ушли все папы на войну.

Какая же красивая у нас Родина! Только почему-то дышится будто немного туго. Это, неверное, из-за войны. Всем

плохо, и они не могут видеть столько красоты и радости вокруг. Я им об этом не буду говорить. Все взрослые любят переживать за все. Я просто буду им помогать как всегда. Но я буду знать, что Родина наша очень красивая и жить в ней очень приятно. Если бы не эта тяжесть, от которой дышать туго. А я сброшу эту тяжесть! Она ничего не может мне сделать. Я когда радуюсь и вижу природу, эта тяжесть стоит где-то неподалеку, но ко мне не подходит. Значит, я ее не боюсь, а она меня боится. Вот я и буду ее прогонять. Прогоню ее со всей нашей Родины! Нечего ей у нас делать! Ну ее, эту войну! Так я и буду делать! Но никому не скажу. Они не понимают, как это делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.